

**ОБРАЗЫ КНЯЗЯ МЫШКИНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И ИЕШУА
ГА-НОЦРИ М. А. БУЛГАКОВА
(ОПЫТ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ)**

Алла Злочевская (Москва)

The Characters of Prince Myshkin by F. M. Dostoyevsky and Jeshu Ha-Nocri by M. A. Bulgakov (an Attempt at Typological Comparison)

Abstract:

The typological correlation of the “perfect heroes” in the novels “Idiot” by F. Dostoyevsky and “Master and Margarita” by M. Bulgakov manifests itself on several levels: the thematic one (the metaplot about the advent in the word of a “positively perfect man”); religious-philosophical (the concept of “perfect hero”) and aesthetic (the allusive principle of image creation).

Keywords: F. Dostoyevsky, M. Bulgakov, “Idiot”, “Master and Margarita”, “perfect hero”

Типологическая корреляция образов «прекрасных героев» романов Ф. М. Достоевского «Идиот» и М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» проявляет себя на тематическом (метасюжет о пришествии в мир «положительно прекрасного человека»), религиозно-философском (концепция «прекрасного героя») и эстетическом (реминисцентно-аллюзийный принцип сотворения образа) уровнях.

Художественная задача сотворения образа «положительно прекрасного героя» всегда привлекала писателей, однако надо признать, что подобные эстетические проекты редко имели успех. Чаще всего рождается нечто схематичное и обескровленное. Да и вообще читатель в большей мере тяготеет к героям отрицательным или проблемным. Сделать привлекательным «положительное» чрезвычайно трудно.

Два замечательных исключения из общей печальной закономерности в русской литературе – князь Мышкин в романе «Идиот» и Иешуа Га-Ноцри в «Мастере и Маргарите». И уже потому эти два случая представляют особый интерес для исследователя, давая весьма ценный материал для изучения частных и более общих проблем художественной антропологии, как в теоретическом, так и историко-литературном аспектах.

Корреляция образов булгаковского Иешуа и князя Мышкина Достоевского обусловлена прежде всего глубинным сродством писателей в рамках одного из оригинальнейших явлений литературы XX в. – *мистического реализма*¹. Отсюда – поиск ими своего идеала в сфере религиозно-мистического бытия человеческого духа. Реализует себя данная генетико-типологическая параллель как на уровне содержательном, так и креативно-эстетическом.

Эстетическую программу сотворения образа идеального героя Достоевский высказал в известном письме своей племяннице С. А. Ивановой, которой и посвящен роман. «Главная мысль романа – изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь. Все писатели, не только наши, но даже все европейские, кто только ни брался за изображение *положительно* прекрасного, – всегда пасовал. Потому что это задача безмерная. Прекрасное есть идеал, а идеал – ни наш, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался. На свете есть одно только положительно прекрасное лицо – Христос, так что явление этого безмерно, бесконечно прекрасного лица уж конечно есть бесконечное чудо [...] Упомяну только, что из прекрасных лиц в литературе христианской стоит всего законченное Дон Кихот. Но он прекрасен единственно потому, что в то же время и смешон. Пиквик Диккенса [...] тоже смешон и тем только и берет. Является сострадание к осмеянному и не знающему себе цены прекрасному – а, стало быть, является симпатия и в читателе. [...] Жан Вальжан, тоже сильная попытка, – но он возбуждает симпатию по ужасному своему несчастью и несправедливости к нему общества»².

Ростки «положительно прекрасного» Достоевский стремился уловить не столько в мире «жизни действительной», сколько в духовной сфере жизни человечества – в религии, искусстве и культуре. Эстетическое целое образа «положительно прекрасного человека» как бы вбирает в себя и «усваивает» весь нравственно-философский и религиозный опыт человечества. Ставя героя в контекст поисков человечеством своего идеала, писатель «подсвечивает» его образ системой историко-культурных и литературных реминисценций. Кроме названных Достоевским в письме С. И. Ивановой, это и герой пушкинской баллады «Жил на свете рыцарь

¹ Об этом см.: ЗЛОЧЕВСКАЯ, А. В.: Художественный мир Владимира Набокова и русская литература XIX века. Москва 2002, с. 15–16; ЗЛОЧЕВСКАЯ, А. В.: Три лика «мистического реализма» XX в.: Г. Гессе – В. Набоков – М. Булгаков. В: Opera Slavica. 2007, № 3, с. 1–10.

² ДОСТОЕВСКИЙ, Ф. М.: Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 28, кн. 2, с. 251. Ссылки на это издание даны в тексте.

бедный ...», и «наивный» герой эпохи Просвещения³, и Гуинплен – герой романа В. Гюго «Человек, который смеется»⁴, и Обломов⁵ и многие другие.

Реминисценции литературно-художественные у Достоевского тесно сплетены с аллюзиями на реальных людей – например, на Л. Толстого, Вл. Одоевского и др. Очевидна и автобиографическая составляющая образа (своему герою Достоевский передал и «священную болезнь», и черты внешнего облика, и любовь к каллиграфии, а также многие собственные идеи – о каталонизме и православии прежде всего, наконец, элементы истории своего романа с «генеральской дочкой» А. В. Корвин-Круковской и многое другое). И, наконец, на высшем, религиозно-философском уровне выстраиваются аллюзии с Магометом⁶, но прежде всего, конечно, с Иисусом Христом.

Образ Мышкина соединил в себе идеал богоданный с вековой мечтой человечества о прекрасном. Образ Мышкина – это плод «усилия воображения» (Д.; 29, 1.116, 432) писателя, как писал А. Майков. Он изначально создан без претензии на реалистическое «правдоподобие», но на воплощение «высшей» правды бытия – эстетической и метафизической.

Реально-ирреальный образ князя Мышкина, в отличие от других персонажей романа, воспринимается читателем как сочиненный, как сплав аллюзий на другие образцы «положительной» личности в мировой культуре и искусстве. В итоге возникает эффект «наплыва» реальности реминисцентно-аллюзийной на реальность, сотворенную по принципу мимесиса «жизни действительной». Аналогичный эффект – «наплыв» инобытийного на реальность мира физического – у А. Иванова в его великой картине «Явление Христа народу»: народ видит Его, но Он – как бы в ином измерении.

У М. Булгакова речь идет уже не о «наплыве», но о тотальной литературности текста. Ведь Иешуа Га-Ноцри земной – сам литературный герой, плод сочинительской фантазии – Воланда и *мастера*. Принцип реминисцентной ориентации образа героя на другие образцы прекрасного в искус-

³ См.: ПОДКОПАЕВА, И. А.: Образ Ж.-Ж. Руссо в романе «Исповедь» и князь Мышкин: Сходство и различие вариантов «естественного» человека. В: Типология литературного процесса. Пермь, 1988. С. 71–81; ЗЛОЧЕВСКАЯ, А. В.: Гуманистический идеал Просвещения и образ князя Мышкина в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». В: Филологические науки. 1989, № 2, с. 18–25 и др.

⁴ См.: ЗЛОЧЕВСКАЯ, А. В.: Стихия смеха в романе «Идиот». В: Ф. М. Достоевский и мировая культура. Санкт-Петербург 1993. Альманах № 1, ч. 1, с. 44.

⁵ См.: БЛАНК, К.: Мышкин и Обломов. В: Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. Москва 2001, с. 472–481.

⁶ Ср.: БОРИСОВА, В. В.: Национальное и религиозное в творчестве Ф. М. Достоевского. Проблема этноконфессионального синтеза. Уфа 1997.

стве у Булгакова реализует себя и в том, что аллюзия с Мышкиным – одна из доминантных составляющих образа Иешуа Га-Ноцри.

«Общая точка» здесь – прежде всего та проповедь, с которой пришли в мир «прекрасные» герои Достоевского и Булгакова.

Суть проповеди Иешуа – в том, что в том, что *все люди добрые* – «злых людей нет на свете»⁷, есть только очень «несчастливые». К Слову, которое принес в мир Иисус Христос и воплощением коего Он сам явился, это имеет отношение весьма косвенное и опосредствованное. А вот к идее князя Мышкин, привезенной им *из Швейцарии*, «благая весть» Иешуа Га-Ноцри имеет отношение прямое.

Генезис концепции «все люди добрые» восходит к нравственно-гуманистическому идеалу эпохи Просвещения, с одной стороны, и христианской антропологии, с другой. Унаследованная булгаковским «прекрасным героем» нравственно-философская позиция князя Мышкина непосредственно связана с учением просветителей XVIII в.: человек изначально добр, благороден и чист, все же пороки – от цивилизации, они *вне* человека. Образ Мышкина, как и Иешуа Га-Ноцри, воплотил суть гуманистической концепции.

Однако чисто гуманистический аспект этой формулы далеко не исчерпывает ее глубинного смысла, ибо есть и другой ее аспект – христианская антропология. Ведь именно с точки зрения этики и философии христианской, человек, хотя и грешен, в силу «поврежденности» первородным грехом своей изначальной природы, но создан «по образу и подобию» Божию (Бытие, 1.27), а следовательно, в существе своем не может быть ни *злым*, ни *плохим*. «Я сказал: вы боги» (Ин., 10.34) – напоминал Христос людям об их изначальной Божественной природе словами Псалмопевца Давида (Пс., 81.6). И напоминал Он об этом не праведникам, не святым, а грешникам – тем самым людям, которые ополчились на Него за то, что Он говорил им об их Божественном Сыновстве.

И князь Мышкин и Иешуа, вслед за своим высшим прототипом Христом, пришли в мир с идеей о Божественном Сыновстве человека. Отсюда – их убежденность в том, что состояние *райского блаженства* есть нормальное состояние человека, а также столь важная роль в их учении концепции Царства Божия. «Мессианский подвиг Мышкина, – пишет современный автор, – в напоминании о рае не как об утопической мечте, а как о высшей реальности, разрыв с которой десакрализирует жизнь, отрывает

⁷ БУЛГАКОВ, М. А.: Собрание сочинений в 5 т., т. 5. Москва 1989–1990, с. 29. Ссылки на это издание даны в тексте.

человека от мира дольного [...] Вера князя в то, что люди могут и должны быть счастливы – неистребима»⁸.

Внутреннее переживание Царствия Божия не как мечты или утопии, а как *высшей реальности* свойственно булгаковскому Иешуа, как и князю Мышкину, оба они живут как бы в предстоянии Царства истины. А Божественная сущность человека для Мышкина, как и для Иешуа Га-Ноцри, есть «высшая реальность», которую они ощущают едва ли не физически.

Состояние «счастья» есть *нормальное состояние* человека, соответствующее его божественной природе. Отсюда тот способ лечения людей от *несчастья*, который предлагают оба героя – это разговор. Но разговор особенный. Речь идет не о психотерапии – принципиальное отличие в том, что диалог ведется не на успокоительно-терапевтическом уровне, а на уровне духовном, христианском.

Диалогические отношения «Я – Ты» благотворны в том случае, если в процессе их происходит соприкосновение на сокровенном уровне с «внутренним человеком», свершается проникновение в истинное ядро личности *другого* человека, постижение Божественного начала его личности и протягивается таинственная нить между двумя Божественными индивидуальностями. В этом случае может свершиться «восстановление погибшего человека» (Д.; 20;28).

На протяжении всего романа Мышкин стремится установить с окружающими напряженно-диалогические отношения, ибо убежден, что главное условие человеческого «счастья» – взаимопонимание, а следовательно, необходимо «говорить так, чтобы понимать друг друга» (Д.; 8.222). Это ведь «от лености людской происходит, – уверен он, – что люди так промеж собой на глаз сортируются и ничего не могут найти» (Д.; 8,24) общего. Между тем общее у них главное – они люди, дети Божии, созданные Им *по своему образу и подобию*. Моменты искреннего непосредственно-человеческого общения, разрушая иллюзорные преграды между людьми, устанавливают между ними отношения понимания и любви. Способность «понимать и прощать» (Д.; 8.457) – главное и необходимое условие человеческого общежития. «Почему мы никогда не можем всего узнать про другого, когда это надо, когда этот другой виноват!» (Д.; 8.484) – тосковал князь. И окружающие тянутся к Мышкину, ибо чувствуют в диалоге с ним истину о себе.

То же самое делал и булгаковский Иешуа: он разговаривал с людьми. «Если бы с ним поговорить, – вдруг мечтательно сказал арестант, – я уверен, что он резко изменился бы» (Б.; 5.29), – говорит он, имея в виду жестокого палача Крысобоя. Иешуа, как и Мышкин, обладал даром обращаться

⁸ ЕРМИЛОВА, Г. Г.: Идея «приобщенной личности» в романе «Идиот». В: Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. Санкт-Петербург 2001, т. 16, с. 138.

непосредственно к «внутреннему человеку», находя зерно истины о его Божественной природе. Так Левий Матвей, сборщик податей, «первоначально [...] отнесся ко мне неприязненно и даже оскорблял меня [...] однако, послушав меня, он стал смягчаться, – продолжал Иешуа, – наконец бросил деньги на дорогу и сказал, что пойдет со мной путешествовать [...] он сказал, что деньги ему отныне стали ненавистны» (Б.; 5.25). А Пилата Иешуа поразил своими в высшей степени «странными» *разговорами* настолько, что прокуратор уже во всю свою жизнь не сможет думать ни о чем, кроме этого философа.

Однако спасение, как известно, процесс двусторонний: спасаемый должен удержаться за протянутую ему руку. Лечение *словом*, диалогически проникающим в «сокровенного человека», вскрывающим и обнаруживающим истинное Божественное ядро личности, возможно лишь в том случае, если человек сам готов к «восстановлению». Если же нет...

«Правду говорить легко и приятно» (Б.; 5.31), – такая божественная музыка звучит в этой великой формуле жизни и свободы! Но позиция внутренней свободы и «счастья» недоступна людям, поработенным различными страхами и лгушим (себе прежде всего) постоянно. Знаменательна реакция Пилата на прекрасные и вполне мирные слова Иешуа: «В числе прочего я говорил, [...] что всякая власть является насилием над людьми и что настанет время, когда не будет власти ни кесарей, ни какой-либо иной власти. Человек перейдет в царство истины и справедливости, где вообще не будет надобна никакая власть» (Б.; 5.31). Казалось бы, эта весть должна радовать сердце? Но прокуратор кричит «таким страшным голосом, что Иешуа отшатнулся»: «Оно никогда не настанет! [...] Так много лет тому назад в долине дев кричал Пилат своим всадникам слова: „Руби их! Руби их!“» (Б.; 5.33). Отчего такая жгучая ненависть (как врагам германцам когда-то!) к «благой вести» о будущем Царстве истины?

Дело здесь отнюдь не только в том, что Пилат не «готов занять [...] место» (Б.; 5.33) Иешуа на кресте, став соучастником нарушения «Закона об оскорблении величества ...». Существо проблемы гораздо серьезнее. Ведь если Царство истины настанет, значит, надо сейчас радикально изменить свою жизнь, основанную на законах зла и с истиной несовместимых. Как это сделал Левий Матвей, который, услышав голос истины, бросил на землю деньги и отправился за Иешуа. Пилат чувствует истину в речах Иешуа (в отличие от Иуды, который ее и не услышал), но он не захотел выйти за пределы сложившейся, хотя и ненавистной ему жизни.

Человек внутренне запрограммирован на устремленность к высшему идеалу и ощущает в себе задачи «безмерные», ибо он создан «по образу и подобию Божию», но в то же время он обречен на недостижение своего идеала потому, что боится его осуществления. Так же, как в свое время

люди, гневно нападавшие на Христа за то, что Он утверждает Свое и их Божественное Сыновство, не смогли, ибо побоялись, поверить Ему, – так не захотели поверить в это и персонажи «Идиота» и Понтий Пилат. Отсюда – «метафизическое одиночество» князя Мышкина и Иешуа Га-Ноцри, во многом предопределившее их трагический финал. «Христос был бесконечно одинок, – пишет, например, К. Г. Исупов, – он самый одинокий человек Евангелия, но люди с Ним уже не одиноки. Соприсутственность Христу, предстояние Ему – норма поведения и единственная аксиология возможной здесь жизни. Трагедия Мышкина в том, что он один „христоморфен“»⁹.

«Идеал Христов» – доминантная структурная составляющая образа «положительно прекрасного человека». Однако функционирует эта составляющая внутри эстетического целого образа «прекрасного героя» у Достоевского и Булгакова весьма неоднозначно, а порой и противоречиво.

Во многом эти противоречия обусловлены той ролью, которую сыграла в создании двух образов трактовка личности Иисуса Христа Э. Ренаном в его книге «Жизнь Иисуса» (1863 г.). Иисус предстал в ней не Богочеловеком, Сыном Божиим, но просто человеком, реально существовавшей исторической личностью. В умах людей XIX в. сочинение Ренана произвело грандиозный переворот¹⁰.

В «Идиоте» Достоевский ставит художественно-идеологический эксперимент, испытание своего предвидения: может ли человек (не Бог), будь он даже «положительно прекрасен», спасти других людей? Сможет ли он при этом сохранить себя – не физическую жизнь свою и тело, но духовное ядро личности? Не обречен ли человек – не Бог – сам низвергнуться в бездну распада? Сможет ли остаться *спасителем*, сам не став жертвой?

Роман Достоевского отвечает на эти вопросы определенно отрицательно: не может, каким бы прекрасным такой человек ни был. Потому что по-настоящему помочь человеку, спасти его может только Бог. Другой человек, взвалив на себя подобную миссию, погибнет сам и никого не спасет.

⁹ ИСУПОВ, К. Г.: Введение в метафизику Достоевского. В: Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. Санкт-Петербург 2007, т. 18, с. 57.

¹⁰ Ср., например: СОРКИНА, Д. Л.: Об одном из источников образа Льва Николаевича Мышкина. В: Ученые записки Томского университета. Вопросы художественного метода и стиля. 1964, № 48, с. 145–151; КИЙКО, Е. И.: Достоевский и Ренан. В: Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. Ленинград 1980, т. 4, с. 106–122; СОЛОМИНА-МИНИХЕН, Н. Н. (Мать Ксения): О роли книги Ренана «Жизнь Иисуса» в творческой истории «Идиота». В: Роман Ф. М. Достоевского «Идиот». с. 100–110; СТЕПАНЯН, К. А.: «Сознать и сказать». «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф. М. Достоевского. Москва 2005, с. 173–190.

Более того, Достоевский предсказал кризис всей истории цивилизации, ожидающий человечество в XX в., если оно пойдет по пути отказа от главной идеи христианства – о богочеловечестве Иисуса Христа.

Другой «конец» этого движения, низшая его точка – атеистическое общество. Его метафизическая ситуация воссоздана Булгаковым в романе «Мастер и Маргарита», в «Прологе на Патриарших». Об Иисусе здесь возможны только две версии: или он действительно жил, но тогда это был совсем «черный», «отрицательный» Иисус (антирелигиозная поэма Ивана Бездомного), или его, «как личности, вообще не существовало на свете» – версия эрудита Берлиоза (Б.; 5.9).

Отрицание «ренановской» концепции личности Иисуса в романе Достоевского можно назвать принципом «от противного»: писатель показывает, что просто человек, каким бы прекрасным он ни был, не мог сотворить более чем 18 веков христианства. Суть христианства – в Богочеловечности Христа, а не в одной только Его моральной проповеди, ибо сама по себе она бессильна.

У Булгакова все сложнее, а его позиция не столь очевидна. Следуя за Э. Ренаном в изображении Иисуса *земного* (в рассказе Воланда и романе *мастера*) писатель радикально опровергает ее на уровне макротекста своего романа, сочиняя его продолжение в реальности мистико-трансцендентной. В инобытии Иешуа, наивный бродячий философ-арестант из романа *мастера*, преобразуется в верховного правителя Вселенной. Его воля разлита в мироздании. Ренановская концепция никак не предполагала преобразования молодого реформатора после его казни в Бога.

Бугаковское решение темы Христа парадоксально: образ Иешуа Ганноцри дан опосредственно – сквозь призму двух нарративных масок – «очевидца» Воландом и сочинителя *мастера*, а собственно в авторской версии, в реальности мистико-трансцендентной, Иешуа невидим и не персонифицирован. И здесь нельзя не отдать должное такту истинного художника: он не берется Христа изображать, или, как выразился Воланд, «описывать».

Очень важна и другая ипостась образа булгаковского Иешуа: в реальности трансцендентной Он не только правитель Вселенной, но и высший Цензор. Этот аспект художественного целого Иешуа завершает креативно-эстетическую линию романа. Ибо текст «Мастера и Маргариты» воссоздает процесс сотворения романа об Иисусе Христе – от антихудожественного опуса Ивана Бездомного через роман *мастера* к *булгаковскому* макротексту. Более того, роман в целом – это оригинальная версия *русского мистико-религиозного метаромана XX в.*¹¹.

¹¹ Об этом см., например: ЗЛОЧЕВСКАЯ, А. В.: Религиозно-философская позиция М. Булгакова в романе «Мастер и Маргарита». В: Opera Slavica. Brno 2001, č. 1, s. 10–19.

Генетико-типологическая параллель князь *Мышкин* – *Иешуа Га-Ноцри* проявляется на нескольких структурных уровнях:

- тематическом – метасюжет о пришествии в мир «положительно прекрасного человека»,
- религиозно-философском – концепция «прекрасного героя»
- и, наконец, художественном – *литературность*, реминисцентно-аллюзийный принцип сотворения образов.

Во многом унаследовав концепцию «идеального героя», созданную Достоевским, Булгаков создал свою версию «положительно прекрасного» лица, соответствующую мироощущению человека XX в., пережившего кровавые катаклизмы и имеющего трагический опыт крушения жизненных устоев и ценностей, а главное, утраты идеалов прошлого в эпоху кризиса религиозного сознания